

A movie poster for the film 'Evidence of Angels' (Доказательство Ангелов). The poster features a man and a woman in a romantic pose. The man, Yuri Shubin, has dark curly hair and is wearing a dark plaid shirt. The woman has long red hair and is wearing a grey sweater and a patterned scarf. They are standing on a wet cobblestone street at night. In the background, there is a large, ornate castle or cathedral with many towers and spires, illuminated by warm lights. The sky is dark and cloudy, with a bright, glowing light source, possibly the sun or moon, creating a dramatic effect. A police car with flashing lights is visible in the distance on the right. The overall mood is romantic and mysterious.

Юрий Шубин

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО
АНГЕЛОВ

Юрий Шубин

Доказательство ангелов

<https://litres.ru/74600847>

SelfPub; 2026

Аннотация

От автора серии культовых детективов «ЭКМО» середины 2000-х.

Можно ли просчитать авиакатастрофу, если у тебя в руках её математическая формула?

Синди, студентка-социолог из Эдинбурга, вывела закономерность: на обреченные авиарейсы регистрируется меньше людей. Словно неведомая сила заставляет их опаздывать, заболеть и, избегать смерти. Девушка создала алгоритм предсказания катастроф, но однажды программа выдала смертный приговор её любимому — репортеру Питеру.

В аэропорту девушку не слушают. До взлета остаются минуты. Чтобы спасти свою любовь, отчаявшаяся Синди идет на отчаянный шаг.

В итоге, рейс задержан, а девушка оказывается за решеткой, ведь этим самолетом должен был лететь член правительства.

Мистической программе никто не верит, даже адвокат. Но что, если алгоритм не ошибся? И пока Синди пытается выстоять против безжалостной государственной машины, стрелки часов

продолжают свой отсчет. Ведь настоящая угроза рейсу никуда не исчезла.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Юрий Шубин

Доказательство ангелов

Глава 1

Вот уже больше двадцати лет я живу в городе замков и дождей, который называется Эдинбург. Это столица Шотландии, откуда родом всемирно известная колли по кличке Лесси и Лохнесское чудовище. Типичная погода в нашем городе — свинцовое небо, холодный пронизывающий ветер и морсящий дождь. Но мне такая погода нравится! Я шагаю по улицам завернувшись в дождевик, и не прячу лицо от водяной пыли. Только разноцветно одетые туристы сиротливо прячутся под окружностями зонтиков.

Что я не люблю — так это изнуряющую жару с палящим солнцем, за которой многие готовы ехать чуть ли не в пустыню Сахара. И еще — ненавижу бесцельное лежание на пляже, когда кожа превращается в головешку.

Ах, да, — я забыла представиться! Меня зовут Синтия. Или просто Синди. Я — социолог и математик, учусь и работаю в Эдинбургском университете, занимаюсь статистическими исследованиями. Собираю материалы для статьи о факторах влияния на объемы пассажирских перевозок. Поможет ли моя работа человечеству в решении его насущных

проблем? Не знаю. Но каждый день я обобщаю данные о продажах билетов у авиа, железнодорожных и автобусных перевозчиков с помощью собственной компьютерной программы. Та выводит таблицы, строит графики, пытается уловить тенденции и прогнозировать изменения. Говорят, что искусственный интеллект сделает мою профессию ненужной, но я в это не верю. Некоторые из моих друзей считают эту работу скучной... Я, так не думаю. И, самое главное — мне интересно!

Было около двух часов пополудни, когда я зашла в кафе на Джордж-стрит и заказала капучино. Я не была голодна, просто запах свежего кофе вырвал меня из шумного мира и на некоторое время окружил атмосферой тишины, размеренности и уюта. Я никуда не торопилась, потому что в запасе был, как минимум, час. А этого времени с лихвой хватит не на одну чашку кофе.

Внезапное «седьмое чувство» просигналило о нацеленном в меня взгляде. Я мгновенно повернула голову в нужном направлении, словно точно знала откуда шло воздействие. Остатки «первобытнообщинной» сенсорики, почти убитой эволюцией, дали вполне точный результат. Парень за столиком у стены понял, что обнаружен, и сделал вид, что смотрит не на меня, спрятав глаза в тарелке с фастфудом.

«Ну что ж, не на меня, так не на меня!» — иронично подумала я, и, вернувшись к мыслям о статье, опустила свой взор в светлый квадрат окна.

Сделав глоток, поставила чашку на блюдо, рассматривая припаркованный на улице кэб... Однако новый сигнал «седьмого чувства» и женское любопытство заставили меня снова посмотреть в угол, где сидел парень. Два наших взгляда встретились, отозвавшись в нервной системе импульсом электричества. Теперь уже я пыталась сделать вид, будто смотрела не на парня, и с неприятным чувством неловкости, чтобы скрасить оплошность, я взяла ложечку и принялась мешать кофе.

Не прошло и половины минуты, как боковое зрение уловило бесшумное движение.

— Доброе утро! — вдруг совсем рядом раздался мужской голос. Я подняла глаза и увидела парня, что минуту назад сидел в углу, нагло глазел на меня и, кажется, не собирался пересаживаться. Высокий, сухощавый с широкими плечами. Вероятно, его фигура выкована не столько тренажерным залом, сколько пешими прогулками по крутым холмам Эдинбурга — от Старого города, до вершины Трона Артура. Густые, слегка выющиеся волосы, цвета темного каштана, парень неудачно пытается зачесывать назад, но, видимо, ветер с залива Ферт-оф-Форт, решает все по-своему и раздувает прическу. На щеках и подбородке незнакомца — аккуратная, но плотная трехдневная щетина, в которой, при ярком свете, пробивалась едва заметная рыжина. Может быть это его фамильный маркер, откуда мне знать. Впрочем, про трехдневную щетину я тоже придумала, потому что никто не

считал, сколько дней этот парень не брился. Может быть, он уже месяц не притрагивался к бритве, а возможно, побрился пару часов назад и, за это время, борода успела отрасти.

За одну секунду взгляда на парня, я успела не только его рассмотреть, но и оценила его внешность. Больше всего, меня поразили его глаза — глубокие, серо-зеленые, под густыми бровями. В них горел легкий огонек иронии, которая была направлена в мою сторону. Одежда? Ничего особенного — парень был одет в плотную фланелевую рубашку в крупную клетку, надетую поверх простой серой футболки, поношенных темных джинсов и тяжелых кожаных ботинок Blundstone. Может быть, я не точно выразилась, потому что футболка, надетая поверх джинсов и ботинок — это круто! Ладно, в следующий раз опишу парня точнее.

Интересно, этот парень местный или тоже турист? Надо сказать, что голос у него оказался приятным и располагающим. Как в рекламе... не помню чего.

— По-вашему, сейчас утро? — поинтересовалась я, продолжая перемешивать кофе звонкой ложечкой. Я была добрая, поэтому, поздоровалась. — Впрочем, здравствуйте! Доброго вам дня!

Я не изображала из себя мисс неприступность, и даже улыбнулась в ответ. Появление незнакомца случилось так неожиданно, что я не успела подготовиться и принять нужный образ — я была сама собой. А в обычной жизни — я вполне адекватная и нормальная.

— Вы забыли положить сахар! — с улыбкой произнес парень.

— Что? — не поняла я, машинально помешивая кофе.

— Вы забыли положить сахар в чашку! — повторил парень, показав на блюдце. Ироничное замечание смутило меня окончательно. Зачем я работаю ложкой, если сахар лежит в пакетике нетронутым! Наверное, это что-то из дедушки Фрейда.

— Я люблю без сахара, — элегантно выкрутилась я, понимая, что начинаю волноваться. И зачем я мешала кофе ложечкой!

— Можно присесть рядом с вами? — наконец поинтересовался парень.

— Конечно, — безразлично разрешила я, — стол же не мой! — Я ответила ровно таким же тоном, каким разговариваю с коллегами из университета. Может быть чуточку помягче.

Парень принес тарелку с бутербродом и кофе. Вернулся за матерчатой сумкой на ремне и окончательно переехал ко мне за столик.

— Меня зовут Питер, — радостно представился он и протянул руку для рукопожатия. В этот момент он выглядел забавно. Парень не знал, куда пристроить сумку, поэтому так и держал её в руке.

— Синди, — ответила я, глядя ему в глаза. Мы смешно, словно дети, пожали друг другу руки и потрясли для крепо-

сти. Мое настроение повысилось. Мне даже показалась, что его я где-то видела раньше. Заметив вывалившийся из сумки ремешок «Кэнон», я не преминула проявить проницательность. — Вы турист? Приехали на наш фестиваль? Я угадала?

— Почему вы так решили? — так же мягко улыбнулся Питер, и в его глазах вспыхнули веселые искорки. Мне же показалось забавным, как мы, почти официально, разговариваем на вы.

— Увидела фототехнику, — созналась я и добавила: — Впереди — три недели фестиваля искусства Фриндж и парад шотландских волынщиков. Кто кроме туриста станет таскать с собой тяжелую камеру? Местные жители видели эти представления сто раз. Нам это не так интересно. Значит, вы, по меньшей мере — приезжий! Я угадала?

— Вашей логике можно позавидовать! — ловко уклонился от ответа Питер. — Вероятно, вы работаете в полиции!

— Так я угадала? — переспросила я, и мои уши немного порозовели, вероятно, от гордости.

— Если я скажу, что вы угадали, это будет неправда. Вернее, не вся правда. Но и утверждать обратное было бы тоже некорректно!

— Тогда не мучьте меня тайнами и признавайтесь — кто вы! — не выдержала я.

— Точно не турист. Действительно не местный. И в самом деле приехал на фестиваль, — ответил Питер. — Это

моя работа, поскольку я фотограф и репортер лондонского издания.

— Так вы из Лондона? Вот здорово! — почему-то обрадовалась я, как будто парень из Лондона чем-то отличался от такого же парня из другого города.

— А чем вы занимаетесь? — поинтересовался фотограф.

— Я студентка. К полиции отношения не имею. И, по сравнению с вами, занимаюсь рутинной работой. Даже рассказывать не интересно!

— Это интересно! — не согласился Питер. — Чем же вы занимаетесь?

— Статистическими исследованиями закономерностей, — весело сообщила я, полагая, что он ничего не поймет. — Но тоже люблю фотографировать!

Мы проболтали целый час, и, если бы я вовремя не спохватилась, то опоздала бы в университет.

Я вскочила, как ужаленная дворняжка, пожелала Питеру удачи и без оглядки выпорхнула на улицу. Парень прокричал что-то мне в след про телефонный номер, но я так опаздывала, что не могла задержаться ни на секунду. В общем, я не придала значения этой мимолетной встрече, а поэтому, даже не подумала обменяться с ним номерами. Позже, в университете, мои мысли несколько раз наталкивались на воспоминания о жизнерадостном парне по имени Питер, и даже проскальзывало сожаление о том, что мы не обменялись хотя бы

адресами электронной почты. В конце концов, в университет можно было бы и опоздать, поскольку мой спешный побег из кафе сэкономил не так много времени.

Остаток рабочего дня тянулся медленно, как никогда. Будто у всех часов в городе сели батарейки. Но, к счастью, и время имеет границы. И оно не резиновое. Когда стрелки доползли до финиша, я вышла на улицу и посмотрела на облака. В августе небо над Эдинбургом затянуто облаками примерно половину дней, создавая мою любимую и самую знаменитую шотландскую меланхоличную, но невероятно фотогеничную атмосферу. Август — это пик нашего знаменитого международного Фестиваля, и местная погода под стать искусству: она драматична, изменчива и похожа на театральные декорации. А августовские облака над моим городом — не просто погода, это живая ткань места, где я живу, его самый верный и капризный художник. Облака не приносят с собой унылую, беспросветную серость, потому что в конце лета мое небо наполнено внутренним движением, драмой и светом, который пробивается сквозь пуховые разломы, словно сквозь витражи готического собора. Когда на город опускается морской туман, который мы называем — хар, облака словно сходят с небес на землю. Они нежно укутывают верхушку Трона Артура, размывают очертания шпилей Старого города и превращают Королевскую Милю в декорацию к старинной сказке. В это волшебное время кажется, что где-то за углом, на этой самой улице, вот-вот послышится шаг

средневекового стражника или тихий плач волынки. И тогда, даже темный, мокрый базальт замковой скалы начинает блестеть, отражая этот мягкий, жемчужный свет.

Но Эдинбург не терпит статики. Стоит западному ветру набрать силу, как облака пускаются в настоящий пляс. Тяжелые, свинцовые кучевые тучи стремительно несутся над крышами, цепляясь за острые неоготические башни, а за ними, будто преследуя, катятся лоскуты ослепительно-белого пара. Небо превращается в холст, где смешаны все оттенки серого: от нежного серебра и цвета брызг шампанского, до глубокого, грозового индиго. А к вечеру, когда солнце уходит за холмы залива, облака замирают. Они ловят последние закатные лучи и вспыхивают изнутри — сначала золотом, затем тревожным багрянцем и, наконец, мягким фиолетовым сиянием, засыпая вместе с засыпающим городом.

Солнце в Эдинбурге — редкий гость, и я бы никогда не сказала наверняка, что сегодня будет солнечно, но именно облака делают мой город по-настоящему великим и поэтичным. Я засмотрелась на облака, но все же отправилась домой — в сторону Нового города. В глубине сознания плескалась непонятная грусть и обидное чувство, ассоциированное из детства, когда я знала урок на «отлично», но вовремя не подняла руку, и заветный высокий балл «А» получила более расторопная соседка по парте.

Я не знала, что тем временем, когда я шла домой, Питер сидел в гостиничном номере совсем недалеко от меня, в эле-

гантном георгианском таунхаусе. Он смотрел на новую заставку компьютера — снимок девушки со струящимися волосами, бегущей по Джорж-стрит. Наверное, даже на фотографии был слышен стук моих каблуков по мокрому асфальту. Он звучал, как обратный отсчет таймера или метроном, а холодный ветер безжалостно хлестал меня по лицу, словно пытаюсь отрезвить и вернуть назад.

Я оставила Питера там, в полумраке кофейни, с разбитым сердцем и невысказанными словами, наивно полагая, что спасаю нас обоих от ненужного знакомства. Но произошло невероятное, такое, чего не было никогда, ведь в каждом случайном прохожем, в каждом размытом силуэте за туманной дымкой мне теперь чудился этот парень, слышался его голос и пронзительный, будто все знающий взгляд. Можно менять города, переплыть океан и сжигать все мосты, но как заглушить стук собственного сердца, которое упрямо отбивало чужое имя?

Разве можно скрыться от того, что уже уверенно прорастало в коконе души?

Всю свою жизнь я отчаянно бежала от отношений, которые, как мне казалось, помешают моей учебе и работе. Но, оказалось, бежала лишь для того, чтобы в конце этого круга снова столкнуться с неизбежностью. Я ничего не знала о Питере, и даже не думала — был ли он моей погибелью, словно ложный маяк, сбивающий судно с курса и приводя его прямо на скалы. Или этот парень был моим единственным домом,

от которого у меня никогда не было ключей. Мои мысли были похожи на бурлящую воду в кастрюле, но остановить их — у меня не было возможности.

Я убежала от Питера, но не могла убежать от своей судьбы.

Проснувшись я с ощущением потери. Ночные сновидения переплелись плотными кельтскими узлами, распутать которые к утру было уже невозможно. Сюжеты менялись и перетекали в новые формы, но их общий смысл напоминал догонялки. Что-то постоянно ускользало от меня, а я безуспешно пыталась это что-то догнать. Ночные декорации рушились и перестраивались: то это были бесконечные коридоры старого дома, то лабиринты туманных городских улиц. Но неизменным оставался зудящий, сводящий с ума дефицит времени. Ощущение, что я катастрофически, непростительно опаздываю. Этот сон был наполнен не страхом боли, а щемящей тоской упущенной возможности. Каждая клетка моего существа тянулась к этой ускользающей размытой тени, потому что я знала: там, впереди, скрыто мое спасение, ответы на все вопросы или человек, без которого я не смогу дышать. Просыпаться после такого сна было больно, внутри осталась лишь выжженная, звенящая пустота от осознания, что я снова проиграла этот забег.

Однако я нашла в себе силы взять себя в руки и, окончательно очнувшись ото сна.

Я совершила набор утренних действий, составлявших мой ежедневный ритуал, и выскочила на улицу. Небо оказалось серым и к тому же просочилось дождем (какая неожиданность!), а встречные прохожие казались такими же невыспавшимися, как и я. Только я ничего не могла с этим поделать.

В университете я погрузилась в работу и, это было временным лекарством. Но каждая чашка кофе действовала, как заклинившая машина времени, возвращая мои мысли в одну и ту же точку пространства и времени.

— У тебя голова болит? — вдруг спросила подруга Мелисса, с которой мы вместе учимся и работаем.

— С чего ты так решила?

— Выглядишь озабоченной, как будто голова болит, — ответила она, безразлично пожав плечами.

— Отстань! Просто не выспалась! — ответила я, что отчасти было правдой. Мели отстала, не вдаваясь в подробности — её личная жизнь бурлила романами и общественной деятельностью, поэтому даже учебе оставался лишь малый остаток приоритета. Ну а я, со своими таблицами, тем более не могла представлять для нее интереса. Скорее, наша дружба выглядела, как взаимовыгодный симбиоз. Я давала ей то, чего у нее нет — в том числе, необходимые знания, а она... Она отвечала мне тем, чем могла — развлекала бесконечными рассказами о своих похождениях.

Около полудня в мою голову пришла замечательная

мысль, ставшая одним из ответов к зависшей задачке. Если Питер был в определенном кафе в определенное время, то математическая вероятность того, что в то же самое время он будет там еще раз, имеет значительный положительный процент! Можно предположить, что в этом кафе он бывает каждый день! А это значит, я могу его там застать!

— Так чего же я жду! — мысленно воскликнула я. Для решения задачки надо было всего лишь пойти в кафе и выпить кофе. Это самая легкая и приятная формула из всех мне известных. Я сказала подруге, что пойду перекусить, и заодно встречу с одним человеком.

— С парнем? — обрадовалась неумная и вечно озабоченная Мелисса.

— Нет! Не с парнем! — мгновенно среагировала я.

— С девочкой? — прищурила глаз подруга.

— Неважно! — буркнула я.

— О-о! — протянула та и рассмеялась. — Тебе уже не важно с кем!

— С парнем, с парнем! — не стала я отпираться. — Мели, отстань!

— С тобой все понятно! Ты влюбилась!

— Сама ты влюбилась! Я его видела всего лишь один раз! И вообще — проходи пожалуйста мимо! — запуталась я.

— Излишняя нервозность тому подтверждение! — издевательским тоном констатировала подруга. Я закрыла рот на замок и мне удалось уйти от расспросов с интимным укло-

ном и дурацкими подмигиваниями.

Город не так велик, чтобы что-то помешало мне добратся до Джордж-стрит к нужному времени. Подходя к кафе, я издали рассматривала людей, находившихся поблизости... Правда, Питера нигде не видела. Я переходила улицу и чувствовала, как сердце начинало биться быстрее. Я рисовала себе картинки нашей встречи. Как будто все снова должно произойти совершенно случайно, в соответствии с промыслом провидения. Я решила, что сначала не замечу его. Сяду на свое место и сделаю вид, будто смотрю в окно. Тогда он не выдержит и сам подойдет ко мне.

Раздался пронзительный скрип тормозов. Я очнулась и отпрянула. В нескольких метрах от меня экстренно затормозил Rover. Водитель укоризненно взглянул на меня через опущенное стекло, но ничего не сказал. Это было даже хуже, чем если бы он меня обругал. А так... я чувствовала себя такой же виноватой, как моя кошка Тереза, когда по нечаянности она оказывалась на запретном для нее кухонном столе.

— Извините, — сказала я водителю, приложив руку к сердцу, будто клялась на Библии, что никак не повлияло на мое настроение. Только бы Питер не видел моего конфуза.

Дождь барабанил по стеклам витрин, превращая картинки в размытые акварельные пятна. Внутри у меня все сжималось от глупого, почти детского волнения, но я заставила себя выпрямить спину и замедлить шаг. Шаг, еще один. Главное — дышать ровно.

Я приблизилась к кафе и снизила скорость — я ведь и в самом деле никуда не торопилась. Больше того, я сознательно растягивала мгновения до встречи, повышая градус щекочущего нервы чувства.

— Только бы он меня сразу не увидел, — думала я, не отдавая себе отчета в неверной постановке желаний. А ведь они часто исполняются, и именно в таком виде, в каком мы просим. Мы даже не представляем, как сами себе вредим.

Вот та самая вывеска. Дверь кафешки приветливо звякнула колокольчиком, обдав меня теплым ароматом молотого кофе и корицы. Я увидела свое отражение в стеклянной двери, и, выдохнув для нормализации сердцебиения, вошла.

Сердце пустилось вскачь, но я не позволила себе оглядываться по сторонам в поисках Питера. Только не это. Мысленно, как заклинание, я повторила свой план, уверенно направляясь в глубь зала, к нашему маленькому столику в углу.

О, радость! Столик, за которым я сидела в прошлый раз, оказался свободен! Я решительно направилась к нему, краешком глаза посматривая на то место, где в прошлый раз сидел Питер. Я демонстративно сняла плащ — верхняя одежда в Шотландии — обязательный элемент летнего гардероба, аккуратно повесила его на спинку стула, и села спиной к остальным посетителям, уставившись на стекающие по стеклу капли. Краем глаза я уловила какое-то движение справа, чью-то приближающуюся тень, и затаила дыхание. Упрямый, гордый... Ну же, сделай этот шаг. Сейчас я услышу его голос

и сердце мое провалится в пятки.

Моя теория дала первую трещину, потому что на месте Питера сидела немногословная пожилая пара туристов. Может, и не туристов, но очень похожих на них. Заказав кофе, я непринужденно расположилась за столиком, и как истинный математик, решила, что полное подобие прошлой ситуации в моей задаче не требуется. Иными словами, если сегодня Питер будет сидеть за другим столиком, то это не повлияет на результат. Если парень в зале — он меня обязательно заметит и подойдет. Мне и искать его не нужно. Это же просто, как дважды два равно четыре. Это просто статистика и социология. У него нет шанса не увидеть меня и не подойти, если, конечно, он сейчас в зале.

Я мешала свой латте, а праздничное чувство в райских садах моей души подсказывало, что Питер где-то тут. Над моей головой пели птички и светило солнце. Возможно, он уже видит меня и собирается подойти. Может быть, уже идет.

Я прислушивалась к каждому шороху и шагам за спиной. Охваченная романтическим волнением, закрыла лицо ладонями, погрузившись в темноту и прислушиваясь к бешеному стуку собственного сердца. Это томительное ожидание превратилось в искреннюю и волнующую игру, в которой я все еще надеялась почувствовать прикосновение рук Питера или услышать его голос. Я сама не понимала, что со мной происходило, но это было похоже на сумасшествие.

Прошла минута, другая. Третья и четвертая. Никто не ска-

зал мне: «Привет, Синди!». А ожидание — пытке подобно! Так долго сидеть в неведении я не могла. Беря ситуацию в руки, я осторожно скользнула взглядом по залу: в кафе оказалось многолюдно, но Питера не было, или я его не заметила.

Тогда я развернулась вполоборота, чтобы рассмотреть посетителей получше.

— Вы что-то хотели? — раздалось над моей головой. Сердце обрадовано дернулось и повисло на ниточке. Я даже не поняла, чей голос слышу. Мне было все равно. Ведь я уже знала, что это Питер!

Я оглянулась. Рядом со столиком стоял странноватого вида официант. Я сразу не поняла, что в нем было странно. Может, карикатурно выпученные глаза, или хвост волос в резинке, как у девочки или рок-музыканта. Да, с моими мыслями, я совсем забыла про толерантность. Может быть, одежда и манера носить фартук показалась мне необычными? Нет, с одеждой у него все в порядке. Просто он отличался от других официантов, вот и все. Мои ищущие движения головой он принял за сигнал ему, вот и подошел. Но это был не Питер.

— Нет, — расстроилась я. — Ничего не нужно, только капучино.

— Извините, мисс. Если понадобится что-то еще, позовите меня, — улыбнулся официант.

«Конечно, я позову тебя, дорогой!» — с кислой миной по-

думала я, беспардонно разглядывая гостей заведения. Через пару минут окончательно стало ясно, что Питера в кафе нет. Это как точка в приговоре. Праздничное настроение и преждевременная радость схлынули, остудив мозг, словно влажный воздух Гольфстрима. Душевный всплеск обернулся падением.

Я снова заказала кофе и пила его с особо изощренной медлительностью, но уже через час поняла, что сегодня не мой день, а если я выпью еще порцию кофе, то не усну до утра. У Питера вполне могли случиться неотложные дела, из-за которых его расписание поменялось. Встреча не состоялась. Потому что не могла состояться. Хорошо, если только сегодня.

Позвала официанта. Он примчался, как муха на мед и беспардонно заглядывал мне в глаза, будто потерял там что-то. Хотя возможно, он просто пялился на мою грудь. А что — красивая грудь — это тоже неплохое достоинство для девушки. После образования, конечно! Хотя, если послушать рассказы Мелиссы, то там вообще образование не обязательно.

Я сидела и ждала. Пенка на остывающем кофе медленно оседала, превращаясь в некрасивые серые разводы на стенках посуды. Я лениво водила ложкой по кругу, слушая, как металл со звоном бился о фарфор. Этот звук идеально подходил к моему настроению — такой же пустой, монотонный и раздражающий. Мое свидание безнадежно испорчено, даже не начавшись. Может быть со мной что-то не так? Скорее

всего, так оно и есть.

Я расплатилась и, проронив официанту холодное слово благодарности, вышла на улицу. День уже не казался таким замечательным, как пару часов назад. Свежий ветер с Северного моря и внезапный дождь не стали чем-то необычным. Я прошла знакомым маршрутом, внимательно переходя улицы, и вернулась в университет.

— Как прошла встреча? — подмигнула вездесущая Мелисса.

— Никак, — бросила я.

— Не успели?

Её губы расплющились в пошловатой улыбке, но меня это не тронуло.

— Встреча не состоялась, — грустно повторила я. — Наверное, мы где-то разминулись.

— Да ладно, разминулись! — не унималась Мели. — Наверное, совсем даже не разминулись! Не темни, небось успели поцеловаться!

— Отстань! — бросила я начиная злиться. Не на нее, а на себя. Это же я неудачница.

— Чего тогда ты такая замученная?! — не унималась подруга.

— Не замученная, а расстроенная! Отстань! — огрызнулась я, но Мелисса слышала то, что хотела слышать, и другие версии были бессмысленны. Сделав вид, что занята, я погрузилась в текущие дела. Скоро начнется учеба, и времени на

доделки и переделки не останется, появятся новые заботы.

Я обзвонила транспортные компании, чтобы те выслали мне сводки о продажах билетов. Возможно, будь я просто «с улицы», со мной бы не стали и разговаривать, тем более тратить на меня время. Но мой университет, одно из главных высших учебных заведений страны, пользуется огромным авторитетом. Он разослал интересующим меня компаниям персональные письма с просьбой помочь в важных для страны исследованиях, и компании пошли навстречу. А многие, по-моему, даже гордятся сотрудничеством с университетом! Или используют в рекламных целях, упоминая его на корпоративных сайтах.

По правде сказать, в моей работе имеется тайная составляющая. Я хочу доказать математически существование ангелов-хранителей, оберегающих людей от гибели при разных неприятностях, и написать специальную компьютерную программу для расчета.

Но для серьезного исследования мне не хватает статистики. Поэтому я самостоятельно собираю сообщения о катастрофах и фильтрую сводки о продажах билетов, в надежде отмыть из горы пустой породы кусочек чистого золота. Я разослала письма друзьям из других стран и университетов с просьбой помочь. Кое-что присылают. А где-то такие сведения засекречены! Что касается нашего города, то авиакатастроф или серьезных происшествий на транспорте у нас, к счастью, не случилось.

В этот день я еще не знала, что очень скоро мне выпадет шанс прикоснуться к тайне, спрятанной за колонками цифр. Но я была слишком наивна, и не понимала, что неоплаченных подарков не бывает.

Питер бродил по городу с фотокамерой, снимая мероприятия фестиваля. Он поправил воротник помятого твидового пиджака, в сотый раз за день проклиная эдинбургскую холмистую брусчатку и этот безумный, кишасший людьми «Фриндж». Как репортеру из Лондона, привыкшему к сухому ритму столичных пресс-конференций, этот шотландский карнавал казался ему организованным хаосом.

Королевская Миля гудела, словно растревоженный улей. Вокруг все двигалось, пело и кричало. Слева шотландец в килте отчаянно надувал волынку, справа — труппа в неоновых костюмах зазывала прохожих на авангардную постановку «Гамлета» в подвале бывшей церкви. Питер лавировал в толпах туристов, то и дело уворачиваясь от актеров, сующих в руки флайеры. В блокноте для заметок уже расплылись чернила от внезапно припустившего мелкого дождя, который, впрочем, через пять минут сменился ярким солнцем. Каждые пять метров приходилось протискиваться сквозь зевак, застывших перед уличными фокусниками. В воздухе стоял гул на десятках языков мира.

Фестиваль поглотил весь город. Афиши были расклеены везде — от стен средневековых пабов до мусорных баков.

Заголовки обещали всё: от политической сатиры до стенда-па в кромешной темноте. Питер пытался сохранять профессиональную отстраненность, но атмосфера оказалась заразной. Но стоило ему выпить халф-пинту¹ эля в переполненном пабе, слушая жалобы какого-то комика на провальное утреннее шоу, как жизнь начинала ему нравиться, ведь даже у этой суматохи была своя магия.

Однако, глубинные мысли Питера были заняты только одним — Синди. Парень рисовал ее в своем воображении почти с чистого листа и с ее фотографии, которую успел сделать. Девушка с распущенными волосами, которую он видел всего один раз в жизни, накрепко засела в его сознании, словно вирус в операционке компьютера. В её внешности была та самая классическая шотландская эфемерность, которая заставляла вспомнить старинные баллады, и только кеды и наушники быстро возвращали этот образ в XXI век. Хрупкая, миниатюрная, со стремительной, легкой походкой. Синди казалась Питеру беззащитной, но в ней чувствовалась скрытая порывистость и упрямство — черты, без которых в Шотландии просто не выжить.

Парень был близок к истине, хотя и не знал, что любимая одежда Синди — уютный оверсайз с ноткой студенческого винтажа. Она обожала огромные вязаные свитера крупной вязки, будто снятые с плеча Каллума, цвета мха или вереска. Синди носила их с вельветовыми юбками или узкими брю-

¹ Это половина стандартной пинты эля, то есть примерно 284 миллилитра.

ками, теплыми плотными колготками и массивными ботинками Dr. Martens. На шее всегда намотан огромный, пушистый шарф-плед, в который она прятала нос от мороси. Но главное сокровище этой девушки, которое не мог не оценить Питер — копна длинных, непослушных рыже-медных волос, которые струились и развевались на ветру, вспыхивали настоящим пожаром, лишь только стоило солнцу показаться из-за туч.

Может быть, из-за холода и сырости кожа Синди показалась Питеру фарфорово-бледной, полупрозрачной, из-за чего на переносице и щеках рассыпью горели мелкие золотистые веснушки. Глаза огромные, чистейшего синего цвета, как глубокие шотландские озера в ясный день. Девушка почти не пользовалась косметикой, разве что наносила немного бальзама для губ, чтобы они не обветрели на ветру. Такой Синди запомнил цепкий мозг фотографа и его богатое воображение.

Питер смотрел на единственное фото и, словно художник, старательно дорисовывал в уме этот образ, дописывая недостающие детали. Он рассматривал прохожих, мечтая отыскать в людском муравейнике знакомую улыбку, координаты которой он не успел взять. Парень мучился от осознания своей внезапной нерешительности, которой в обычной жизни у него не было, ведь он репортер. Откуда появились эти «тормоза» — он не понимал. Но что произошло, то произошло — того, что уже случилось, не отыграть назад, как бы этого

не хотелось.

Поскольку Питер снимал для модного и авторитетного издания, его поселили в минималистично-эстетичном отеле Eden Locke в тихом элитном районе на George Street. Внутри — торжество пастельных тонов, мятный, пудрово-розовый, обилие тропических растений, латунные детали, минималистичная дизайнерская мебель и огромные окна с видом на серые шотландские крыши. На первом этаже своя модная спешелти-кофейня, которая вечером превращалась в полноценный винный бар. В этом отеле Питеру нравилась атмосфера, контраст и возможность уединения для работы. Пожалуй, тут можно почувствовать себя миллионером или свободным художником, кому как нравится.

После съемок Fringe-перформанса парень вернулся промокший до нитки, пахнувший уличной едой и дымом. В стерильном, пастельно-идеальном скандинавском номере, бросил мокрые ботинки на дорогой ковер. Сбросив тяжелый рюкзак, он достал камеру. Щелкнул защелкой карт памяти и выложил их на белую кухонную стойку — туда, где вместо специй и оливкового масла горкой лежали разряженные аккумуляторы, салфетки для оптики и бумажный стакан остывшего флэт-уайт.

На карте памяти солянка из безумия фестиваля: потный комик в свете софитов на Грассмаркете, смазанное движение уличного акробата, случайный крупный план уставшей до слез балерины. В углу номера имелась своя мини-кухня, но

вместо готовки вкусной пищи, Питер забил раковину грязными стаканами из-под кофе, разложил сушиться объекты и принадлежности. Непромокаемый чехол для фоторюкзака натянул для сушки на спинку стула, и в этом хаосе видел свою красоту.

Макбук ожил, замигал синий экран, отразившись в панорамном окне, за которым гудел Новый город. Запустив отправку файлов в офис редакции, он получил порцию попутных брюзжаний бильд-редактора, который стал его главным начальником и заказчиком на время фестиваля. Именно перед ним Питер отчитывался и ему отправлял свои кадры. Бильд-редактор ставил ему задачи, как говорится, давал брифинг: куда пойти, кого снять, в каком стиле.

— Пит, сними уличных артистов, но не банально, а через отражения в лужах!

Питер мог прислать со съемок пять сотен «сырых» снимков, а бильд-редактор выбирал из них только один или два самых сильных, которые пойдут на сайт или на полосу издания. Именно он стоял у Питера над душой, требуя быстрее скидывать материал, потому что верстка журнала или обновление ленты новостей не могли ждать. В современной журналистике бильд-редактор должен обладать безупречным визуальным вкусом, знать основы дизайна и уметь работать в бешеном темпе новостей.

Раздался телефонный звонок, снова звонил бильд. Питер нажал кнопку громкой связи, не отрывая взгляда от экрана

Макбука, где полоса загрузки отснятых raw-файлов ползла мучительно медленно, будто улитка переходила дорогу перед несущимся грузовиком.

— Да, Энди, я на связи. Всё грузится, — устало ответил Питер, параллельно протирая микрофиброй переднюю линзу кэноновской «эльки» — рабочего объектива многих репортеров.

Из динамика раздался фоновый гул лондонского оупенспейса, сквозь который пробился резкий, прокуренный голос бильд-редактора.

— Грузится — это не тайминг! Мне не нужно, чтобы грузилось! Мне нужно, чтобы файлы были у меня! — сходу начал кричать босс. — Мне нужно точное время! У меня полоса закрывается через тридцать минут, а главный макетчик уже смотрит на меня так, будто хочет зарезать металлической линейкой! Что у тебя там творится?

— Эдинбургский вай-фай, Энди, очень неторопливый, и я не могу его разогнать или подтолкнуть! Тут весь город сейчас сидит в сети и выкладывает в YouTube! Половина репортажа с вечернего шоу уже на сервере. Посмотри, там должны быть и кадры с фаер-шоу.

На том конце провода слышалось сопение и интенсивный стук клавиш. Питер замер, зная, как за две секунды просмотра превью Энди умеет уничтожить самооценку молодых фотографов.

— Так, нашел... вижу, — протянул Энди. — Первые

три — мимо, изображение смазано. Это снимал или слепой или сильно пьяный! Четвертая... Пит, зачем мне этот клоун крупным планом! Ты издеваешься! У него лицо серийного убийцы, а наш журнал приличный и семейный! Ты забыл?

— Это не постановка, босс! Я не могу подбирать лица актеров для съемки! — вяло огрызнулся Питер.

— О, а вот это... Погоди... — быстро произнес «бильд», и голос его заметно смягчился. В трубке что-то шуршало и щелкало, периодически, Энди кого-то подзывал и что-то говорил. Питер протер и отставил объектив. — Вот эта, где девчонка-акробатка на трапеции на фоне темного неба, — голос Энди мгновенно изменился, в нем проснулся азарт старого газетного волка. — И на заднем плане силуэт замка в подсветке. Это ты специально поймал или случайно вышло?

— Я полчаса стоял в грязи, под дождем и на одном колене, чтобы поймать этот ракурс, — тихо буркнул Питер.

— Отлично! Молодец! Плевать на грязь, кадр — бомба! Пойдет на разворот культурного блока. Так, давай скорее вторую половину съёмки — мне нужны горизонтальные кадры для сайта. Даю тебе еще семь минут. Если опоздаешь — обратный билет в Лондон будешь покупать за свой счет, а потом я скормлю тебя акулам. Давай!

Короткие гудки оборвали фразу.

Питер выдохнул, откинулся на спинку вельветового мятного кресла и посмотрел на шкалу загрузки. Оставалось четыре минуты. Парень поставил на зарядку аккумулятор ка-

меры и просто ждал.

Наконец, отправка файлов успешно завершилась и Энди не стал поедать фотографа живьем.

Надо сказать, что логика фоторепортера оказалась идентична логике математика и социолога. Именно поэтому Питер решил пойти тем же путем, что и Синди. Исходя из этой логики парень прихватил камеру, Макбук и отправился в город. Естественно, что шел он в направлении того кафе, в котором вчера встретил Синди.

Дождь на Джордж-стрит не шел, он висел в воздухе серой взвесью, пропитывая насквозь твидовый пиджак и забиваясь в фототехнику. Питер сел на прежнее место, чтобы быть более заметным, и заказал набор из салата и чашки кофе. Точно так же, как и Синди, он неторопливо поглощал свои яства, оглядывал людей за столиками вокруг и с надеждой поднимал голову, когда раздавался мелодичный звук колокольчика на входной двери.

Через некоторое время к Питеру подошел странноватый официант и поинтересовался, не нужно ли чего клиенту. Парень заказал вторую чашку кофе и уткнулся в Мак. Так же, как и Синди, Питер любил фотографировать и экспериментировать. Когда любимое занятие совместилось с профессией, он не только не потерял интереса к бывшему хобби, а, напротив, с упоением постигал уроки мастерства, не считаясь со временем. Удостоверившись, что Синди в кафе нет, он загрузил снимки с флешки и, коротая время, неторопли-

во перебирал их, отрезая второстепенное или выделяя главное. Но работа не клеилась, потому что постоянно прерывалась мыслями о той симпатичной студентке. Тогда Питер возвращался на «Рабочий стол», где стремительное движение девушки с длинными волосами по имени Синди сжимало перспективу, оживляя пространство. Динамика сюжета придавала снимку черты художественного полотна хорошей пробы. Но и на обложке глянцевого журнала это фото смотрелось бы неплохо. Энди сказал бы, этот снимок — чистая энергия, пойманная в объектив. Казалось, будто сама геометрия пространства уступала напору девушки: перспектива резко сжимается, увлекая взгляд зрителя вслед за ускользающим силуэтом и превращая статичный фон в вихрь живых, дышащих линий. Словно шлейф из жидкого золота или темного шелка, волосы Синди взметнулись в воздухе, повторяя траекторию безумного порыва. Эффект легкого размытия на прядях стирал грань между реальностью и чистой кинематографичностью. В динамике чувствовалась глубина настоящего художественного полотна. Выверенная игра света и тени, драматичный контраст и живое, неподдельное изящество модели заставляли зрителя замереть перед снимком, как перед картиной в галерее, разгадывая внутренний сюжет и характер героини. В странном снимке Синди была редкая смесь высокой моды и дерзкой искренности, которая мгновенно гипнотизировала и заставляла обернуться.

Не долго думая, Питер отправил фото в редакцию. На

удивление, файл загрузился почти мгновенно, а уже чрез три минуты зазвонил мобильный.

— Ты что — издеваешься! Что это было? — почти прокричал Энди.

— Просто девушку в кадр схватил, — смущенно ответил парень.

— Просто случайно девушку в кадр схватил! — передразнил бильд-редактор. — Почему ты сразу не начал с этого кадра! А мне теперь снова ругаться с версткой! Это же гениально! Это символ фестиваля! Стоит добавить на этот кадр лаконичный шрифт — и перед нами готовая, бескомпромиссная обложка для культового модного журнала!

— Я не думал, что кадр вас так зацепит, — вяло оправдывался Питер.

— Это не просто удачно пойманный момент! — без злобы заорал Энди. — Это визуальный манифест свободы и красоты в движении! Когда-нибудь за этот кадр тебе дадут премию или поставят памятник!

— Спасибо, но только не это! — усмехнулся фотограф. — Я еще молод, чтобы умирать.

— Ты молодой и глупый фотограф, если не умеешь разглядеть шедевр в куче мусора!

Связь отключилась.

Прошло около трех часов. После нескольких чашек кофе организм уже отказывался принимать кофеин, угрожая ночной бессонницей. Затянувшееся выжидание пришлось пре-

кратить. Питер засунул технику в рюкзак, оставил чаевые странноватому официанту с выпученными глазами, и отправился в отель. Настроение не улучшилось. Да и босс, словно нарочно, позвонил именно в такой момент и учил, как нужно разглядывать шедевры. Шел бы он!

Поздно вечером Питеру пришла неожиданная идея. Он придвинул компьютер, открыл редактор и перетащил в него единственное фото Синди.

Следующий день я начала по привычному расписанию, только ощущения сменились. Чувства потери больше не было, потому что во сне я уже ничего не теряла. Но какие-то особенные, торжественные нотки, похожие на предвкушение скорого дня рождения, терпко будоражили душу.

Я распахнула окно, и свежий воздух, настоящий на чистом солнечном свете, хлынул в мою маленькую уютную комнату, наполнив её прозрачной прохладой. Настроение приподнятое, ведь наступающий день мог принести встречу с Питером. А я так этого хотела!

Это странно. Я не понимала себя. Чего я мучалась? Парень — первый встречный, о нем мне ничего не известно. Неужели засели в памяти старые сказки? Ведь только там девушки выходят замуж за первого встречного и получается очень даже неплохо. Выходят даже за принца! Впрочем, это посторонние мысли. Принцесса Диана тоже за принца выходила и что из этого вышло?

— Тереза, не подходи к окну! Потому что у кошек нет ангелов-хранителей! — предупредила я любимую кошку, когда она пыталась сунуть мордочку в щель.

Насыпав в миску горку сухого корма, я отнесла её на кухню, чем на несколько минут заняла свободное время Терезы. Как раз, чтобы проветрить комнату. Благодарное животное мелодично мяукнуло и галопом помчалось на завтрак. Её довольное мурлыканье и хруст корма были слышны даже в комнате! Много ли кошке надо для счастья. А чего надо мне?

Стало смешно, и я улыбнулась. Тереза непонимающе взглянула на меня, но продолжила завтрак, мало ли, какие у людей заморочки, а завтрак должен быть по расписанию.

Промучившись половину дня, я поняла, что не могу ни сидеть, ни работать, ни думать. Стянула со стола свою сумочку, тихо прикрыла дверь и выпорхнула на улицу. Там ощущение дня рождения усилилось. По дороге меня постоянно встречали артисты, циркачи и клоуны. Прямо на газоне, тротуаре или автобусной остановке мне демонстрировали калейдоскоп спектаклей, представлений, миниатюр, пантомим, мюзиклов и шоу. Если все их смотреть, то и целого дня не хватит. А на работу точно опоздаешь. Часов на двадцать. Однако, нескончаемый праздник заряжал оптимизмом и радостью на весь последующий год, чтобы я без зонта прогуливалась под проливным дождем, а по вечерам зажигала в доме свечи, привлекая тех, кто смотрит на них с неба, или

хотя бы с борта самолета.

К кафе на Джордж-стрит я подходила с громко бьющимся сердцем. Колокольчик над дверью звякнул, впуская меня в тепло, пропитанное ароматом свежемолотой арабики и согревающей корицы. Я быстро, словно невзначай, окинула взглядом зал и взглянула на угол Питера. Сердце сделало привычный, волнующий кувырок и тут же замерло, опустившись вниз. Естественно, что его место пустовало. Угловой столик у окна, где ещё вчера Питер сидел, пустовал. Солнечный луч лениво скользил по отполированной столешнице, подсвечивая лишь одинокую вазочку с сухоцветами.

Медленно прошла к стойке, заказала привычный кофе и села за свой столик. Он оказался свободным второй раз подряд, и это не вписывалось в законы математики. Наверное, неспроста. Принесли кофе. За окном спешил город, прохожие кутались в воротники от августовского ветра, а на стекле проступали первые капли начинающегося дождя. Тихо лившаяся из динамиков мелодия казалась немного грустной. Я грела ладони о тёплую керамическую чашку и улыбалась своим мыслям. Глупо, конечно, было надеяться на случайность два дня подряд.

Кофейная пенка медленно таяла, принося разочарование. Я сделала глоток и посмотрела на улицу. Мир не рухнул от того, что Питера здесь не оказалось. Напротив, в этой недосказанности появилась своя, едва уловимая романтика — романтика несбыточности и невозможности. Я не знала,

придёт ли Питер сюда завтра, может быть, он давно уже в Лондоне, но точно знала одно: для меня это место теперь навсегда связано с предвкушением чуда. А чудо, как известно, любит приходить именно тогда, когда его перестают отчаянно ждать.

Я провела в кафе часа два и оглядела всех посетителей, но тот парень так и не появился. Я свалилась с неба на землю и поняла, что занимаюсь ерундой. Сдался мне этот незнакомец по имени Питер! Я его совсем не знаю, и еще не факт, что мы подружились бы.

«Мало ли придурков вокруг!» — успокаивала себя. Я сделала последний глоток, решительно поставила чашку на блюдце и поднялась. Чёткий, сухой стук фарфора прозвучал финальной точкой в глупой игре в ожидание. Хватит. Надежда, которая ещё утром казалась приятным волнением, теперь ощущалась лишь глупой потерей времени. Я набросила плащ, завязала шарф и, не оглядываясь больше на пустой столик у окна, направилась к выходу. Мои шаги были быстрыми и уверенными, а на лице не осталось и следа прежней мечтательности.

Я толкнула стеклянную дверь. Колокольчик над головой звякнул на прощание, но этот звук тут же потонул в шуме города. Я покинула заведение. Хотелось сказать «гордо покинула», но никакой гордости не было. Скорее, досада и разочарование.

Шагнув в прохладу улицы, я глубоко вдохнула свежий

воздух и пошла по тротуару, растворяясь в толпе прохожих. Я оставляла эту чашку, это кафе и Питера позади — без сожалений и без намерения возвращаться.

«Дура! — зачем-то корила я себя. — На что я рассчитывала?! Он давно забыл, что встретил в кафе какую-то ненормальную! И не вспомнит никогда! Вообразила себе романтическую историю! Точно, ненормальная!».

Уличные музыканты добавили грусти. Их песня про несчастную любовь под аккомпанемент расстроенной гитары и убитой трубы просто бесила. Должно быть, на моем лице было написано все, что я думаю о жизни, потому что до самого вечера ко мне ни разу никто не обратился.

Так я и добралась до дома. Но даже Тереза смотрела на меня как-то подозрительно, а поужинав, старалась не шалить.

День прошел в страданиях, но я переболела и пошла на поправку. Как при простуде — сначала резко повышается температура, голова не соображает, а потом раз — и наступает перелом, облегчение. Так и со мной. Я перевернула неудачную страницу и успокоилась. Сумасшествие прошло. Я вернулась в сознание из комы, а к своему микроскопическому приключению теперь относилась с иронией. Ведь на самом деле ничего не произошло, даже непонятно, чего это я возбудилась. Радоваться нечему, но ведь и горевать тоже нет причин. Мое «сегодня» закончилось. Я дотянулась до настольной лампы и выключила свет. Точка моего окна исчезла с картины вселенной. Но вряд ли кто-то это заметил.

Параллельные миры существуют, и в одном из них жил Питер. Он не забывал о Синди и продолжал искать с ней встречи. Только их измерения никак не хотели совпадать. Синди и Питер существовали в разных реальностях, и каждый жил своей жизнью, а значит, они ходили по разным или одинаковым улицам, ездили на разных или одних и тех же автобусах. Только никак не попадали в одну точку одновременно. И никакой Гугл не мог им в этом помочь.

— Можно напечатать фото на память? — спросил Питер, забежав в фотосалон.

— Какой размер желаете: десять на тринадцать, десять на пятнадцать? — уточнил приветливый менеджер.

— «А-3».

— Это фото на память?! — развеселился менеджер. — О, да — это станет хорошей памятью! Может, оформим снимок в рамку? Чтобы сразу на стенку?

Питер согласился. Через час он получил огромный сверток с заказом и вернулся в то самое кафе. Подозвал хозяина заведения, полноватого мужчину в джинсах и клетчатой рубашке, и минут десять что-то ему рассказывал. Мужчина внимательно и флегматично слушал, по ходу дела понимающе кивал. И лишь когда Питер показал содержимое упаковки, хозяин моментально преобразился.

— Вот это да! Смотрите, это же наша улица и мое кафе! Вот это да! — воскликнул он, радуясь как ребенок и позвал

персонал. — Идите все, смотрите!

Мужчина схватил рамку и с гордостью кинулся показывать фотографию всем сотрудникам и посетителям. Через пять минут рядом с входной дверью появился красочный постер, стилизованный под анонс фильма-катастрофы, натуралистично передавший момент драматического времени, когда Земля подверглась метеоритной или астероидной атаке. Огненные бомбы с хвостами черного дыма разрушают Джордж-стрит. Изломанную мостовую разделяет огромная трещина. Косые нити синего дождя из черно-серых облаков пробивают гигантские молнии. На поломанных, как спички, мачтах освещения искрятся оборванные провода. Вокруг разруха, всеобщая паника. И среди всего этого — бегущая Синди с распущенными волосами.

Вместо названия фильма — надпись эффектным шрифтом: «СИНДИ, ПОЗВОНИ МНЕ! Питер». Имелся и номер телефона.

Туристы приняли этот плакат за элемент оформления интерьера или рекламную кампанию и фотографировались около него, выстроившись в небольшую очередь. Но, что самое поразительное, некоторые из них, особенно дотошные, начали звонить по указанному на постере номеру, чем ужасно нервировали Питера.

Глава 2

Утратив в настроении романтические нотки, я весь день занималась делами. Мысли о парне из кафе больше не посещали мою голову. Или, скажем так, почти не посещали. Я была бы неискренней, если бы сказала, что память о нём полностью стерта и отформатирована. Как бы я ни старалась, я не могла игнорировать воспоминания, хотя с течением времени они потускнели и уже не казались такими яркими, как в первый день. Их заунывная волынка еще будоражила душу, но уже не слишком остро.

Из университета я ушла около четырех часов пополудни. По дороге встретилась с Мелиссой, чтобы передать флешку, которую она забыла в компе. Она же такая растеряша! Мы прогулялись и поболтали. Мели рассказала про нового поклонника и про то, как она от всех них устала. Это забавно слышать, потому что романы и поклонники были одним из немногих смыслов жизни, на который она не жалела времени.

Расставшись с Мелиссой, я неспешно шла по городу, потому что никуда не торопилась. Вдыхала аромат улиц и наполненный влагой воздух. Если бы дома меня не ожидала Тереза, я могла бы беспрестанно останавливаться и смотреть фестивальные 3D-действия, вылившиеся на улицы. Но кошка — это ответственность.

Проходя по Джордж-стрит, я взглянула на кафе и собиралась перейти на другую сторону улицы, потому что внутри ничего не шелохнулось, но избыток свободного времени, природное любопытство и возникшее чувство голода привели меня к двери заведения, заставив войти внутрь.

Дверной колокольчик кофейни звякнул, впуская меня внутрь вместе с потоком промозглого воздуха. Внутри пахло пережаренными кофейными зернами, корицей и старыми книгами — уютное, полусонное убежище, чтобы переждать дождь. Я проследовала на излюбленное место у окна, не преминув бросить взгляд на столик в углу. Нет, Питера там не было и, видимо, глупо предполагать что-то другое. Не стоит придумывать себе хрустальные замки, чтобы потом рушить их чугунной кувалдой.

Я направилась к стойке, уже предвкушая глоток горячего латте, вместо капучино.

— Мне, пожалуйста, большой имбирный... — сказала я, доставая из кармана телефон.

Я утоляла голод, смотрела в окно, слушала музыку в наушниках, о чем-то думала, наслаждалась... И все такое в одном флаконе. Взгляд случайно скользнул по кирпичной стене справа от кассы, где обычно висели афиши местных рок-концертов и объявления о потерянных кошках. Среди глянцевого бумажного хаоса выделялся один плакат. Он был свежим, без единой замятины. Но я не стала задерживать на нем взгляд. Остаться в кафе я не собиралась, поэтому, слегка

перекусив, взяла свой телефон и направилась к выходу.

Мое внимание привлекла группа китайских туристов, фотографировавшая что-то на стене. Странно, раньше его не было, и мне захотелось посмотреть, что же там изображено. Может быть, новое меню или концерт? Я замедлила шаг и остановилась. Туристы отщелкали кадры и вернулись за столики, а я приблизилась к предмету интереса.

Сначала я ничего не поняла. Под изображением крупными угольно-черными буквами, стилизованными под трафарет, было выведено всего одно слово: «НАЙДЕНА». И чуть ниже — мелкими цифрами дата. Я подумала, что кто-то нашел еще одну потерявшуюся кошку и теперь хочет ее пристроить. Ничего необычного, люди очень беспечны и часто теряют своих четверолапых друзей. Я с любопытством разглядывала картину, похожую на постер фильма, не обращая внимания на детали. Сюрреалистическая сцена отвлекла взгляд от главного. И вдруг, меня словно током стукнуло! Я замерла, так и не донеся палец до экрана блокировки телефона, и машинально положила его в сумочку. Сердце пропустило удар, а затем пустилось вскачь, гулко отдавая в ушах. С плотного матового листа я узнала — СЕБЯ!

Это не было случайным сходством. Точно моя одежда, растрепанные ветром волосы и эта улица. Но самым жутким было не это. Я никогда в жизни не позировала для этого снимка! Я ничего не понимала. Это было так неожиданно, что, ища объяснения, взгляд мой, наконец-то, сполз на текст.

И тут я испытала такой шок, будто меня коснулись еще одним электрическим проводом! Дата — день нашего знакомства с Питером! Боже, я не могла поверить своим глазам! Этот плакат был посланием, адресованным мне! Значит, он искал меня! Весь клубок угасших было эмоций и чувств окатил меня новой горячей волной. Я лихорадочно полезла за телефоном.

Быстро набрала указанный номер...

Но сердце участило ритм, и я не смогла запустить вызов. Боже мой, я впервые испугалась. Испугалась поговорить с незнакомым парнем. Да я ли это! Это был даже не страх, а какая-то юношеская робость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.